

Книги Александра Быченина
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**САФАРИ. РАЗВЕДКА БОЕМ
САФАРИ. ОГОНЬ НА ПОРАЖЕНИЕ**

**ЕГЕРЬ
ЕГЕРЬ. ПОСЛЕДНИЙ БИЛЕТ В РАЙ**

**ЧЕРНЫЙ АРХЕОЛОГ
ЧЕРНЫЙ АРХЕОЛОГ. ПО ТУ СТОРОНУ ТАЙНЫ
ЧЕРНЫЙ АРХЕОЛОГ. КОНЕЦ ИГРЫ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСАНДР БЫЧЕНИН

ЧЕРНЫЙ АРХЕОЛОГ.
КОНЕЦ ИГРЫ

РОМАН

Москва, 2014
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б95

Серия основана в 1992 году
Выпуск 923

Художник
В. Федоров

Быченин А. П.

Б95 Черный археолог. Конец игры: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 377 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1859-6

Что я там говорил насчет тайн? Так вот, забудьте. Теперь их в моей жизни столько, что просто тошнит. Слишком много смертей, слишком много предательства и слишком много зловещих загадок. Всего слишком для одного некогда беспечного парня. А все потому, что я неосмотрительно связался с Пьером Виньероном. Будни черного археолога оказались весьма далеки от романтических бредней. Однако отступать некуда, приходится мириться с мелочами жизни, среди которых вскрытие древних кораблей-гробниц, контакты с искинами Первых, столкновения с якудза и гиперпрыжки в неизвестность еще не самое страшное. Настоящие неприятности меня еще только ждали. Ковчег — воделенный приз — стал проклятием команды Пьера. И, что хуже всего, от Программы теперь уже не отвертеться...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Быченин А. П., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1859-6

ГЛАВА 1

*Система 72 Геркулеса, Геркулес-5, космо терминал «Восток»,
27 ноября 2541 года, день*

— Привет, Тарасов! — Я крепко пожал бывшему майору руку и поинтересовался: — Чего какой взъерошенный?

— Холодно, — передернул тот плечами. — Не чуешь, что ли?

Что есть, то есть. Космотерминал — по сути типичнейший стыковочный комплекс — встречал гостей весьма сурово: навскидку температура в холле за шлюзами держалась хорошо если в районе пятнадцати градусов. По Цельсию, естественно. Ничего не поделаешь — Геркулес-5 мирок отменно суровый, людям здесь приходилось экономить буквально на всем, включая тепло и свет. Периферия, прерванный некогда на половине цикл терраформирования и дороговизна привозных товаров превращали жизнь аборигенов в существование, а заодно и приезжих подвергали нешуточным испытаниям. Я зябко поежился — после куда более комфортного челнока в пассажирском терминале действительно было весьма прохладно — и окинул высокую встречающую сторону в лице старого приятеля оценивающим взглядом.

— Одичать изволили, Александр!

Бывший майор за те три месяца, что мы не виделись, довольно радикально изменил имидж: чуть отпустил волосы и зарос бородищей. Впрочем, это я слегка преувеличил — борода аккуратная, плавно переходящая в баки и усы. Плюс ботинки-берцы, свободные штаны с накладными карманами и свитер крупной вязки с высоким горлом. Этаким полярник с затерянной в арктических льдах станции. Только трубки-носогрейки не хватало.

— Ну да, куда нам до вас, городских, — не остался в долгу Тарасов. — А ты куда так вырядился?

— А что? — Я мысленно пробежался по собственному гардеробу: темно-синие джинсы классического кроя, классические же ботинки-дерби, белая рубашка-поло и в довершение композиции стильный пиджак. Из песочного твида в елочку. Самый писк, между прочим. — Нормальный прикид. У нас в Сити все так ходят.

— У богатых свои причуды, — философски вздохнул Тарасов и неожиданно хлопнул меня по плечу так, что я едва не выронил зажатый под мышкой планшетник. — Черт, Пашка! Как же я все-таки рад тебя видеть!

— Взаимно! — рассмеялся я. — Как у вас тут дела? Накосычили небось без присмотра?

— Есть немного, — не стал отрицать очевидное бывший майор. — Но о наших делах еще успеем, дорога не близкая. Сам-то как?

— Нормально, насколько это вообще возможно в данной ситуации.

— А багаж где?

— Вот. — Я продемонстрировал тонкую папку из черной кожи, скрывавшую пристанище Попрыгунчика. — Все свое ношу с собой.

— С Женькой проблемы были? — понятно хмыкнул Тарасов.

— Будут, — тяжело вздохнул я. — Ты думаешь, я чего как денди лондонский? Сваливать пришлось быстро и налегке. Под предлогом деловых переговоров.

— Н-да... — Майор сочувствующе поцокал языком. — И ты еще собирался первым бросить в меня камень! Куда катится этот мир?!

— Мир катится к хаосу, миллиардов этак десять лет, а то и более. И это его естественное состояние.

— И этого на философию потянуло... Тенденция, однако!

Собственно, ничего удивительного, учитывая обстоятельства. Я, между прочим, всего лишь десять дней назад практически из-под венца сбежал. Примерная Помощница меня уже и с родителями познакомила (справедливости ради нужно заметить, что с ее папенькой я сам пересекся — нужда заставила), и жили мы вместе — спали в одной постели, завтракали на одной кухне, пользовались одной ванной и даже по магазинам ходили тоже вдвоем. Так что к концу третьего месяца пребывания на Босуорт-Нова Евгения Сергеевна Долгова, мой секретарь-референт и по совместительству тайный полицейский

агент, внедренный в экипаж прожженного черного археолога Пьера Виньерона с самыми прозаичными целями, начала недвусмысленно поглядывать на дорогие ботики со свадебными нарядами. Я бы по большому счету и не против, да только Пьерова авантюра с поиском загадочного Ковчега — то ли корабля, то ли базы Первых — как раз вышла на финишную прямую, а я дал себе слово ненаглядную от очередной заварухи ограждать. Любым, что характерно, способом. Оградил. Теперь думаю, как буду расхлебывать...

— Привет, пацаны!

Я сбился с шага, едва не врезавшись в возникшего словно из ниоткуда амбала, больше напоминавшего двусторчатый шкаф — приземистый, но отменно широкий, и недоуменно огляделся. Все-таки думы тяжкие ногам покоя не дают — я и не заметил, как мы с майором уже достаточно удалились от терминала и затерялись в хитросплетении переходов. И это, доложу я вам, далеко не просторные и хорошо освещенные коридоры на «Великолепном», а самые настоящие трущобы: стены с потеками ржавчины, изорванное покрытие под ногами, горящие с пятого на десятое люминесцентные панели у самого потолка. Гнетущая обстановочка, больше подходящая для какой-нибудь компьютерной игрушки в жанре «постап». Да и пара, перекрывающая проход, как нельзя лучше соответствовала антуражу: необъятных размеров крепыш в кожанке и потрепанных джинсах и среднего сложения развязный типчик, одетый с претензией на стиль. Ага, тот самый — «сутенер на выходе». Несколько выбивалась из образа лишь стрижка «под ноль», а так полный комплект: брючки, туфельки, футболка в обтяг, коричневый кожаный пиджак, кольца на каждом пальце и цепь на шее — толстенная, хоть кобеля сажай. А вот манера говорить — чуть в нос и растягивая гласные — полностью соответствовала моим представлениям о «братках» из провинции. А я, между прочим, еще в Амьене такими досыта налюбовался.

Я покосился на майора и внутренне подобрался: тот совершенно не выглядел удивленным, напротив, на губах его играла ироничная ухмылка. Очень знакомая и не предвещавшая «пацанчикам» ничего хорошего.

— Тарасов, разговор есть, — развязно заявил «сутенер».

Ух какой типаж! Давненько такие не попадались. А распыловка-то какая!

— Сколько повторять: для тебя, Егорушка, не Тарасов, а Александр Александрович. — Майор демонстративно смерил

собеседника презрительным взглядом. — Опять же почему не по записи? Свяжись с моим секретарем. А сейчас я занят.

— Папа недоволен, — поставил моего напарника в известность «сутенера», пропустив мимо ушей довольно откровенную издевку. — А когда он недоволен, пацанам несладко.

— Мне, Егорушка... как бы попроще... твои пацаны параллельны. Впрочем, как и ты сам. Можешь, кстати, и Папе передать то же самое. Паша, пошли.

Майор решительно отодвинул несколько оторопевшего Егорушку, шагнул мимо него, проигнорировав амбала, и я последовал за ним. Правда, далеко уйти нам не дали.

— Стоять, уроды!

Тарасов обернулся и озадаченно хмыкнул:

— Оп-па! Это что-то новенькое. Придется побеседовать, Паш.

Я мельком глянул на нахохлившегося «сутенера», чуть задержавшись на девятимиллиметровой «беретте-компакт», зажатой в потной руке, и пожал плечами — побеседовать так побеседовать. Любопытно, конечно, что за кадры, но расспросить майора можно и позже.

Тарасов между тем буром попер на оппонента, и тот среагировал достаточно адекватно: отшагнул и раскорячился в классической стрелковой стойке, зажав пистолет двумя руками и направив ствол майору в голову.

— Стоять! Стоять, я сказал!!!

Н-да, хлипковат «пацанчик». Явно привык за чьей-то широкой спиной прятаться, причем отнюдь не амбала-напарника, и за оружие браться ему приходилось нечасто. «Шкаф», кстати, куда как спокоен — стоит чуть в сторонке и внимательно косится на моего напарника поросячьими глазками. Даже за стволом в карман не полез. Что ж, будем считать, что с целью я определился — Тарасову сейчас не до громилы.

— Ты, Егорушка, добрых слов не понимаешь... — Достаточно приблизившись к противнику, майор прервал фразу на полуслове и ловко обезоружил «сутенера» — плавным, неуловимым для глаза рывком вывернул пистолет из рук, уйдя с линии огня, и на обратном движении от души саданул «пацанчику» локтем в нос.

Егорушка сильно удивился, закатил глаза, хлюпнул кровью и медленно опустился на пятую точку, оставив «беретту» майору в качестве трофея.

Впрочем, все это я разглядел мельком, начав действовать практически одновременно с напарником — поудобнее пере-

хватив комп, дабы не выронить в горячке драки, вбил правый дэнтуй амбалу в живот и незамедлительно добавил с разворота левый цэчуай. Попал хорошо — от первого удара «шкаф» лишь покачнулся, зато второй пришелся точно в грудину, и здоровяк рухнул на колени, безуспешно пытаясь хватануть живительно-го воздуха.

— Бежим! — дернул меня за рукав Тарасов, подавая пример наиболее разумной в данный момент тактики.

— Что за шпана?!

— Именно что шпана. — Несмотря на поспешное бегство, Тарасов даже не сбился с дыхания и отвечал в извечной своей насмешливой манере. — Очередная блестящая интрига Пьера.

— Так уж и блестящая? — справедливо усомнился я.

Как по мне, мало радости ходить по станции с опаской.

— Даже не сомневайся! — заверил майор. — Мы когда тут только появились и наш дорогой Пьер начал переговоры с местными ремонтными воротилами, поднялся нешуточный кипеж. Нет, понятно, что все чинно-благородно, никто на всех углах не кричал — ату, у Виньерона усовершенствованная технология прыжков! Но в закулисье движуха чувствовалась, уж поверь мне на слово. Что ни говори, а «Великолепный» очень даже лакомый кусок. Пришлось пустить в ход тяжелую артиллерию — нужные люди намекнули другим нужным людям, что затея бесперспективная, научным языком выражаясь.

Это ясно — никто в здравом уме с СБФ связываться не станет. В каком бы Внешнем мире ты ни жил — у безопасников, как всем известно, длинные руки. Не хуже чем у мафии. Впрочем, кого я обманываю? Много лучше. На собственной шкуре испытал.

— Ну и?.. — поторопил я взявшего паузу майора.

— Ну и. Все всё поняли.

— А как же эти? — Я неопределенно мотнул головой, намекая на давешнюю парочку.

— А это люди Петра Сивохи, больше известного под псевдонимом Папа, — пояснил Тарасов. — Довольно большая бригада, да только плавают ребята мелковато: рэкет, крышевание, контрабанда по мелочи — в основном элитное пойло — и некие, э-э-э, услуги определенного толка. Как он о нашем секрете прознал — без понятия. Но, видимо, решил немного изменить собственный статус. Мои нужные люди на него внимания не обратили, мы, впрочем, тоже. А он возьми да проявись — его шестерки подкараулили пару наших техников и по-

пытались прессануть. Мы с Гюнтером, понятное дело, собрались незамедлительно с проблемой разобраться, но Пьер запретил. Сказал, пусть будет сдерживающий фактор — можно под предлогом обеспечения безопасности народ с фрегата не выпускать. Заодно и секретность соблюдаем. Как замысел?

Я лишь восхищенно кивнул и продемонстрировал напарнику большой палец. А что тут еще скажешь? Молодец Пьер.

— Все равно стремно, — все же решил я добавить ложку дегтя в бочку меда. — Каждый раз трястись, из любой подворотни подвоха ждать...

— Мелочи жизни! — отмахнулся майор. — Я лично отношусь к таким приключениям философски. Этакая пикантная остринка в моем пресном существовании.

— Что, реально до такой степени скучно?

— Ты не поверишь...

Отчего же не поверю — очень даже! Зная деятельный характер Тарасова... удивительно, что он до сих пор всю округу на уши не поставил. Или я, как обычно, не в курсе?..

— Все, Паша, расслабься! Наш лифт.

Повинуясь жесту напарника, я перешел сначала на быстрый шаг, а потом и вовсе на неторопливый — народу вокруг как-то незаметно прибавилось, и сохранять прежний темп, по секундно не натываясь на кого-то, было весьма затруднительно. Да и обстановка поспешному бегству не способствовала — тесные трущобы сменились довольно широкими и хорошо освещенными коридорами, по которым сновали туда-сюда местные обитатели, да частенько катились мимо шустрые электрокары — иного личного транспорта на территории станции не предусматривалось. Однако первое впечатление было безнадежно испорчено. Станция, она и есть станция — подвешенная на высокой орбите грома железа, в которой правит бал вечная грызня за каждую единицу ресурсов. За воздух, тепло, свет или еду — без разницы. Я с тоской вспомнил совсем недавно казавшийся слишком тесным и суевливым Сити, а затем и вовсе помрачнел — перед глазами возник образ Евгении Сергеевны. Заныл в месте давнего перелома нос, и я помимо воли страдальчески вздохнул.

— Не переживай, Пашка, привыкнешь! — неправильно истолковал мою реакцию Тарасов. — Сейчас коньячку у Пьера накатим по маленькой, и все образуется.

— Не уверен. — Я с сомнением покосился на потрепанную капсулу, но все же вошел внутрь и рухнул в ближайшее крес-

ло. — Евгения Сергеевна, конечно, девушка добрая, но злопаятная.

— Кто о чем, а он о зазнобе! — хохотнул майор, пристроившись рядом. — Не грузись. Это для ее же пользы. Но в одном ты прав — по маленькой не прокатит. Придется вечерком Олега позвать да возвращение твое отметить. Все хоть какое-то развлечение.

— Пьянствуете, значит... — Капсула заметно дернулась, ускоряясь, и я торопливо ухватился за спинку впередистоящего кресла. — А как патрон на это смотрит?

— Сквозь пальцы, — отмахнулся напарник. — Скажу тебе по секрету, он и сам частенько квасит. Что поделать — скука!

— Зато нам с Женькой было весело.

— Излагай.

Хочешь не хочешь, а надо. Я, конечно, уже сотни раз ситуацию обмозговал со всех сторон и во всех подробностях и линию поведения наметил, но посоветоваться со старшим и, что характерно, более опытным товарищем никогда не помешает. Опять же со стороны виднее. Не дай бог, где прокололся. Окинул внутренности капсулы подозрительным взглядом — не прислушивается ли кто? — но из троих озабоченных работяг ни один не проявил ни малейшего интереса к моей болтовне. Да и сидели они далеко, в противоположном конце салона, так что я отбросил сомнения и принялся изливать майору душу. Историю про похищение Евгении Сергеевны Тарасов выслушал внимательно, по ходу повествования уточнив кое-какие детали, а за удачную идею с имитацией нервного срыва и пьяным угаром даже похвалил — именно благодаря ей мне удалось быстро добраться до якудза и организовать их захват. Плюс Женькин папенька помог, благо командовал в полиции Босуорт-Сити отрядом спецназа.

— Так что, Тарасов, телефончиком твоим воспользоваться не пришлось, — закончил я рассказ, намекнув на визитку с координатами серьезных людей, врученную мне майором непосредственно перед командировкой на Босуорт-Нова.

— Оно и к лучшему, — заверил тот. — Не засветился лишний раз.

— Пьеру-то мне что рассказывать?

— А все и рассказывай, ничего особо криминального ты не натворил. Сам знаешь, если есть возможность не врать, нужно непременно ею воспользоваться. Я бы лишь кое-какие подробности опустил да про Долгова распространяться не стал.

— А как тогда объяснить появление спецов?

— Паша, ну что ты прикидываешься шлангом? Сошлешься на мои связи, визитку предъявишь. А я с чистой совестью смогу этот факт подтвердить, если Пьер любопытство проявит. И вообще, взрослеть пора. Инфантильность еще никого не украшала.

— Я не инфантильный, я просто перестраховщик, — огрызнулся я.

— Оно и видно. Ни шагу без подсказки.

— Если ты настаиваешь, могу и не советоваться. Но тогда я ни за что не отвечаю.

— Ладно, убедил! — сдался Тарасов. — Рано тебе еще самостоятельностью заниматься. Так что молодец, что меня слушаешь. К тому же некоторые обстоятельства твоих приключений наводят на размышления.

— Тоже думаешь, что в экипаже крот?

— Я бы сказал, скорее крыса.

— Хочешь вычислить?

— Не-а. — Майор помотал головой, скептически поджав губы. — Смысл? Что мог, он уже растрепал. А через пару недель мы будем в глубоком космосе. Так что вреда от него сейчас никакого.

— А как же саботаж?

— Паш, не смей меня. Что он сделает? Фрегат взорвет? Как, позвольте поинтересоваться?

— Наверняка есть способы. Тут я не специалист...

— Зато я специалист! — отрезал Тарасов. — И я тебе со всей ответственностью заявляю: в одиночку угробить корабль типа нашего «Великолепного» практически нереально. Я имею в виду, сознательно угробить. Разве что боекомплект подорвать каким-то образом, но у нас подрывать нечего — мощных ракет нет, а мелочь, даже если вся рванет, только крьюит-камеры и разнесет.

— Реактор?

— Дохлый номер. Если только в защите дефект отыщется, что вряд ли. Да и зачем крысе взрывать корабль? Инстинкт самосохранения никто не отменял.

— А как же камикадзе?

— Да ну на фиг.

— Якудза, — напомнил я. — Японцы, традиции и все такое.

— Бессмысленно. Пойми, Паша, им обломки ни к чему. Им трофей нужен. Я бы на их месте спокойно наблюдал со сторо-

ны. Дождался бы, когда мы до добычи доберемся, и вот тогда начал действовать. Логично?

— Логично. Ты, Тарасов, не обращай внимания, это я сам себя пытаюсь успокоить. Нервы.

— Тем более надо выпить.

— Кто бы спорил. Приехали, что ли?

— Нет, пересадка. Выметайся.

Вторая капсула, столь же древняя и запущенная, вывезла нас к внешнему ярусу станции, занятому почти сплошь разнокалиберными ангарами, заполненными всяческой летающей техникой и людьми в потрепанных комбезах — явно техниками. Праздношатающихся, вроде нас с Тарасовым, было мало, в основном менеджеры среднего звена попадались. Впрочем, бродили по техническим помещениям мы очень недолго, завершив переход в очередной лифтовой кабинке, на сей раз более... основательной, что ли. Обшивка толще, магнитные захваты мощнее, герметизация на уровне — чувствовалось, что эта бочка с иллюминаторами не единожды побывала в открытом космосе.

— Забирайся. — Майор гостеприимно указал на автоматически утонувшую во внешнем корпусе створку, подтвердив мои самые мрачные предчувствия. — Не трясись, она надежная. Проверено на собственном опыте.

— Я н-не т-трясусь!

— Оно и видно! Пошли, говорю.

— С-сейчас...

М-мать, как не вовремя! Давно ведь уже не было, а тут накало! Или это банальнейшая клаустрофобия? С чего бы? Ой, бли-и-ин!..

— Паш?..

— Тарасов, отвянь! — Я тяжело оперся на капсулу, почувствовав ладонью характерные неровности — следы столкновений кабинки с мелким космическим мусором — и несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. — С-сейчас...

— Ты в порядке?

— Ф-фух!.. Все, пошли.

Паника отступила так же быстро, как и возникла, еще раз подтвердив догадку. Приступ, будь он неладен. А я уж было подумал, что на поправку пошел. За последние три месяца ни разу рецидива не случилось. Хотя... можно это на стресс списать, не каждый день приходится насмерть схватиться с якудза.

Причем отнюдь не за собственную жизнь. Ладно, пересилим и это.

— Отпустило?..

— Тарасов, ты прямо как заботливая мамаша! — огрызнулся я. — Сказал же — в порядке.

— Раз ругается, значит, точно в порядке, — буркнул себе под нос майор, но на этом не успокоился, посчитал нужным и меня взбодрить: — Хрен ли стоишь тогда?! Опаздываем.

Я с трудом изобразил на физиономии нечто среднее между ухмылкой и страдальческой гримасой и шагнул в салон. Недоверчивый Тарасов двинулся следом, проводив меня до облюбованного кресла, и не преминул сварливо напомнить:

— Пристегнуться не забудь! Тут вокруг хлама полно, может тряхнуть.

— А что не почистят? — осведомился я, последовав дельному совету — техника безопасности прежде всего. — Если это уже проблема?

— А всем пофиг, — отмахнулся напарник. — Я тоже интересовался у местных, так они ответили, что уже пытались как-то, лет сто назад. И что бы ты думал? Правильно, эффект получился нулевой — буквально через неделю пространство опять основательно захлामीли. Ты представляешь, сколько вокруг ремонтных доков? И сколько кораблей здесь обслуживается? Так что мусора столько, что мама дорогая.

— И не бьются?

— С чего бы? — удивился Тарасов. — Подумаешь, плавает какая-нибудь мелкая железяка в космосе. Ее же не из гауссовки запулили, какая у нее скорость и, соответственно, энергия? Практически никакая. Разве что на довольно тяжелую хреновину натолкнешься. Но против таких защитные поля нормально действуют. Напряженности высокой не надо, как против унитаров.

— Понятно.

Капсула чуть дернулась, выравнявась в направляющих магнитного привода — этаких параллельных балках, протянутых сверху и снизу, — и легко заскользила, не касаясь днищем тронутого коррозией металла своеобразных рельсов. Немного замедлилась в длинном шлюзе, пока из гофрированной кишки откачивали ценный воздух, и наконец вырвалась за пределы станции. И только теперь, отделенный от межзвездной пустоты лишь прозрачным пластиком иллюминатора, я смог по-настоящему оценить масштаб сооружения. Сам по себе космо-

терминал впечатлял не особо — подумаешь, неправильная сфера около полутора километров в диаметре. И не такое видели. Но... станция как таковая была всего лишь тельцем циклопического паука, раскорячившего во все стороны ажурные лапы-причалы. Тонкие и хрупкие лишь издали, на самом деле они представляли собой пару труб нехилого сечения, скрепленных фермами из сверхпрочного сплава, и являлись шахтами многофункциональных транспортных лифтов, способных как перевозить комплектующие, так и перекачивать топливо, кислород и прочие расходные материалы. К каждой такой «лапе» был пристыкован корабль — от почти целых на вид до голых силовых каркасов. Местные умельцы не только ремонтировали старые корыта, но и с удовольствием строили новые суда, лишь бы клиент был платежеспособен, так что вокруг станции, а на самом деле — космической верфи, всегда можно было отыскать что-то интересное. Впрочем, в данный конкретный момент мое внимание было приковано к приближающейся с каждым мгновением черной туше знакомых обводов.

— Незаметно, чтобы его ремонтировали, — поделился я с напарником результатом наблюдений. — Как был потрепанной лоханкой, так и остался. Даже покрытие антирадиационное не обновили.

— Тебе бы, Паша, в госприемке работать! — покачал головой Тарасов в ответ. — Это надо же, на глаз определить состояние покрытия! Силен! А если серьезно, все работы внутри корпуса шли, снаружи лишь кое-где датчики подновили да пару дополнительных антенн смонтировали. Но отсюда их не видно. А ты чего ждал?

— Не знаю... — пожал я плечами. — Но как-то по-другому процесс представлял.

— А ты хоть раз на верфи был? — недоверчиво покосился на меня напарник.

— Не-а.

— Оно и видно. Ладно, просто поверь на слово — старик «Великолепный» помолодел минимум лет на двадцать. И я бы на твоём месте испытывал чувство глубокой гордости за родное корыто.

— В том-то и дело, что не родное...

— А?.. Паш, ты это... прекращай давай! Депрессняк, что ли? Из-за Женьки, да?

— А, отвянь!..

— Однозначно лечить будем.

— Обязательно. Только потом. А пока отвали.

— Гаранин, ты только Пьеру не нахами. А то знаю я тебя! — Майор отечески хлопнул меня по плечу, но развивать тему не стал. — Ладно, молчу.

Остаток пути скоротали в тишине — не представляю, о чем там Тарасов про себя судил-рядил, а лично у меня мысли крутились вокруг обманутой и вероломно брошенной на Босуорт-Нова Примерной Помощницы. Стыдно мне было. Что совсем не удивительно. Причем настолько стыдно, что я то и дело до боли в пальцах стискивал щегольской чехол с планшетником. Ему-то что, он крепкий, а вот мне хреново...

— Паш, приехали.

— А?.. — Я недоуменно повертел головой, сбрасывая наваждение, и поспешно вскочил на ноги. — Ч-черт, задумался.

— Бывает. Тебе напомнить любимую поговорку моего деда?

— На фиг!.. Сразу к Пьеру пойдем?

— Иди один. Он меня не звал. Видимо, посекретничать хочет.

— Заглядывай тогда вечерком.

— Угу.

*Система 72 Геркулеса, Геркулес-5, борт фрегата
«Великолепный», 27 ноября 2541 года, день*

— Добрый день, патрон.

— Добрый, — кивнул развалившийся в неизменном кресле-монстре Виньерон. *Капитан* Пьер Виньерон, как он периодически представлялся, выделяя голосом должность. — Присаживайся. Кофе хочешь?

— Нет, спасибо. Не буду перебивать аппетит.

— Как знаешь. Сигару не предлагаю. — Пьер пыхнул ароматной — в его, конечно, понимании — соской, деликатно выпустив клуб дыма под потолок. — Надеюсь, от коньяка не откажешься?

Надо бы, но... какой-то шеф странный. Вроде и не вымотан, и чисто выбрит, и костюм отутюжен, а вот чувствуется этакий внутренний надрыв, как будто человек минимум пару месяцев прожил в условиях жесткого цейтнота. Впрочем, почему «как будто»? Наверняка так дело и обстоит.

— Что, плохо выгляжу? — правильно истолковал Пьер мой задумчивый взгляд.

— Есть немного, — не стал я скрывать горькую правду. — Тяжело вам тут пришлось, да?

— Заметил все-таки, — довольно хмыкнул дражайший шеф. — Молодец, квалификацию не теряешь.

У нас в Сити попробуй потерь! Вмиг проглотят и не поперхнутся. Так что трехмесячная практика на подпольной бирже антикваров даром не прошла — на таких кадров насмотрелся, что хочется забыть, как страшный сон. И как можно быстрее, что характерно.

— Наливайте.

— Честно говоря, давненько я так не напрягался, — продолжил Виньерон светский треп, ловко набулькав янтарной жидкости в пару пузатых бокалов. — Чертовы нервы. Не поверишь, последнюю неделю постоянно ловлю себя на желании выпиться. От души, вдрызг, погулять с размахом — с дракой и непотребствами. А уж сколько коньяка перевел! В день по бутылке, считай. Весь запас, что у Нобору взял, вылакал. Сейчас пытаюсь себя ограничивать.

— Так, может?..

— Нет, повод железный! — ухмыльнулся Пьер и отсалютовал мне своей емкостью. — С возвращением!

Я с удовольствием поддержал тост, хоть на голодный желудок и не очень хорошо пошло — все-таки, как ни крути, шеф прав. И что бы я там ни говорил Тарасову, «Великолепный» в моем понимании куда ближе к понятию «дом», нежели бесконечные общаги или даже съемная квартирка в гостинице тетушки Мари. Короткое путешествие по местной станции всколыхнуло во мне воспоминания об Амьене и окончательно убедило, что бродяга-фрегат с контрабандистом-капитаном куда предпочтительней клоповника в промзоне города под куполом.

— Ты, Паша, особо не расслабляйся, — продолжил шеф, опрокинув в глотку порцию коньяка. — Работы непочтатый край. А персонала не хватает.

— А куда все делись?

— Не все, но почти две трети. Отправил в отпуск, — отмахнулся Пьер. — Стандартная процедура перед... ну ты понял.

— И как же мы управимся?

— Как обычно. Придется кое-кому смежные специальности освоить. Ладно, не отвлекайся. — Шеф с некоторым сожалением отставил опустевший бокал и потянулся за сигарой. — Рассказывай, как все прошло. И подробней.

— Да, патрон.

На сей раз повествование затянулось — Пьера, в отличие от того же Тарасова, интересовали буквально все, даже самые мелкие детали. Эпизодом с якудза он не ограничился — заставил отчитаться чуть ли не по каждой сделке, причем особое внимание уделял реакциям деловых партнеров. Я, признаться, к такому допросу был не совсем готов, но выручила профессиональная привычка подмечать нюансы поведения собеседников — я практически на автомате фиксировал их эмоции и бессознательно делал «зарубки на память», стоило тем хоть на гран отступить от стандартной линии поведения. Правда, и набралось таких случаев всего четыре — банальнейших попыток объегорить противную сторону, съехав, что называется, на базаре. Те сделки я благополучно аннулировал, получив соответствующие указания от дражайшего шефа, и теперь он накапливал необходимый массив данных для системного анализа моей (да и своей тоже) деятельности на Босуорт-Нова.

Как и предполагал неугомонный майор, патрон без возражений принял версию о помощи тарасовских покровителей в разборке с японскими гангстерами, так что запутаться во вранье я не успел. И облегченно выдохнул, когда Пьер задумчиво покивал, показав, что принял информацию к сведению, и снова потянулся к бутылке.

— С задачей ты справился, — резюмировал шеф, колдуя с бокалами. — Я доволен. За исключением совершенно ненужной конфронтации с нашими восточными друзьями, в общем и целом действовал ты плодотворно. А за это надо выпить, я считаю.

Надо так надо. Тем более вторая порция проскочила в желудок куда веселее. Накатила легчайшая, едва заметная эйфория — верный признак, что хороший коньяк ударил в голову.

— Значит, так, Паша! Сегодня у тебя выходной, отдохни, с парнями потрепись — а завтра за дело.

— У нас есть пассажиры? — удивился я.

— Забудь про пассажиров! — отрезал Пьер. — Помнишь, для чего *на самом деле* я тебя нанимал?

Я кивнул, не сводя с дражайшего шефа внимательного взгляда. Надеюсь, глаза у меня пока что не в кучу, а то конфуза не оберешься...

— Будешь экспертом по артефактам Тау. А заодно оператором «большого брата». Знаешь, что это такое?

Было дело, доводилось слышать. Давно, правда, еще в бытность мою в академии. Краткий курс лекций по дисциплине

«Современные системы мониторинга и слежения» плюс зачет, который препод — отставной флотский офицер — поставил всем на халяву.

— Вот и замечательно, — правильно истолковал шеф мое молчание. — У нас «большой брат» стандартный, методика обучения отработана, за пару недель освоишься.

— Патрон, а можно нескромный вопрос?

— Валяй.

— Почему я? Никого поопытней не нашлось?

— К сожалению, в настоящий момент мы испытываем острейший кадровый голод, — тяжело вздохнув, поведал Пьер. Причем тон его не оставлял ни малейших сомнений, что данную речь он повторял уже далеко не первый раз — настолько она ему приелась. — У меня мостик практически оголен, всего два навигатора осталось, придется самому вахты стоять. Гюнтер за главного артиллериста, сменщик — смешно сказать — Тарасов. Эмильен второй пилот. Ну и так далее. Едва три восьмичасовых смены наскребаем, так что потрудиться придется всем. Ты, кстати, тоже у пилотов на подхвате будешь — страхующим в одну из вахт. График позже утвердим. А как до места доберемся и что-то найдем — если найдем, — будешь вести дистанционно разведывательные партии. В конце концов, не могу же я тебя послать развалины обшаривать?..

— Боюсь, что к такому я абсолютно не готов.

— Вот видишь! Значит, будешь заботливой мамочкой для Тарасова с Денисовым. Я даже ребят-поисковиков из абордажной команды привлекать опасаясь, почти всех на шарик спровадил, оставил минимум.

— Я все понял, патрон.

— Тогда до завтра свободен.

Добравшись до лифта, я набрал на панели пункт назначения и подпер стенку. Подумать было о чем. Шеф, сам того не подозревая, задал ту еще задачку. Насколько я помнил, «большой брат» — система дистанционного сопровождения спецопераций, тайных и не очень, но всегда опасных для непосредственных исполнителей. Десантник или какой-нибудь поисковик, высадившийся на планету с агрессивной средой, или пробравшийся на вражескую космическую станцию, или... да мало ли? Задач прорва. Смысл в том, что баллистический компьютер боевого скафандра передает в режиме реального времени картинку с обзорной камеры, чаще всего встроенной

в забрало шлема, а также данные доброго десятка датчиков и сканера в главный «мозг» корабля сопровождения. В роли такового может выступать как юркий и незаметный десантный бот, так и настоящая громадина вроде зависшего на высокой орбите линкора. Или фрегат, типа нашего «Великолепного». Мощный вычислитель анализирует великое множество внешних и внутренних факторов, вплоть до эмоционального состояния подопечного, и выдает кратковременные, максимум на пять минут вперед, прогнозы. А так как правом самостоятельного принятия решений наши компьютеры, даже самые умные, не наделены, то нужен оператор — человек, контролирующей ход операции со стороны. Координатор, если хотите. Или ангел-хранитель, что иногда куда ближе к истине. И в обычной-то драке от адреналина частенько голову теряешь, что уж говорить о реальной боевой обстановке, где опасность грозит постоянно, к тому же не всегда ясно, откуда ее ждать. Неудивительно, что даже у самых крепких парней периодически в таких ситуациях сдают нервы. Тут-то и приходит на помощь «большой брат». В общем, ответственная работа, требующая хладнокровия и, самое главное, способности молниеносно принимать решения при любом негативном изменении обстановки. Не для меня, короче, с моей-то психотравмой. Но Пьер с присущим ему иногда пофигизмом этот факт проигнорировал. Получается, он во мне уверен? Занятно. Особенно с учетом того обстоятельства, что как раз я в себе не уверен абсолютно. Не готов отвечать за чью-то жизнь. Хотя почему «чью-то»? За вполне конкретные жизни двух хорошо знакомых мне парней. И от этого, между прочим, вдвойне муторно. Что-то тут не так. Наверняка патрон очередную пакость задумал. Психолог-практик, м-мать!

Капсула между тем благополучно донесла меня до второй пассажирской палубы, и я побрел к собственному кабинету, сопровождаемый гулким эхом шагов. Помнится, раньше такого не было, всегда кто-нибудь обязательно шатался по коридору, разгоняя тишину по углам, — не горничная, так стюард, а то и вовсе техник. Торкнувшись в первую попавшуюся дверь, я ко всему прочему еще и убедился, что жилые помещения добросовестно законсервированы: мебель забрана в пластиковые чехлы, бытовая техника обесточена, шторы и прочие коврики заботливо свернуты и упрятаны в платяные шкафы. И везде уже заметный слой пыли. Н-да, как-то совсем непривычно.

— Дожил, Паша, по людям скучать начал! — с горькой

ухмылкой буркнул я, скорее чтобы развеять давящее на нервы безмолвие, нежели нечаянную мысль выразить. Мазнул рукой по створке шкафа и брезгливо стряхнул с пальцев пыль. — Тяжеловато приспособиться будет.

А ведь всего каких-то полгода назад я считал себя самым большим человеконенавистником во всем обитаемом космосе и был твердо убежден, что более страшных тварей, нежели мои собратья по расе, Господь Бог еще не придумал. И ведь были основания, были. Черт, плохо на меня Пьер влияет. А Женька и того хуже. Этак еще немного, и альтруистом стану, начну взносы делать в благотворительные фонды, подавать нищим на улицах и подбирать бездомных котят. Брр!!! На фиг, на фиг!

Выбравшись из каюты и прикрыв за собой дверь — страшное дело привычка, да еще и помноженная на профессиональную деформацию, — я протопал в дальний конец коридора. Кабинет был заперт, но универсальный электронный ключ, положенный мне по должности, справился и здесь. Внутри, против ожидания, никто ничего не тронул, все осталось без изменений. И подозрительно чисто — значит, робота-уборщика Женька перед отбытием активировать не забыла. Правда, терминал на ее столе все же обесточен. В отличие от моего, который приветливо мигал диодом из глубины чуда дизайнерского искусства в стиле хай-тек, служившего мне рабочим местом. Пристроив планшетник на столешнице, я рухнул в кресло, выбив из него клуб пыли — надо признать, не особо впечатляющий, — и запустил комп. Отдых отдыхом, но неплохо бы узнать, что на борту происходило в мое отсутствие.

Допуск к электронному бортовому журналу у меня, как у руководящего работника, был (плюс фактор дружбы с Юми — главным корабельным админом), так что следующие полчаса я посвятил изучению новостей, из которых не узнал ничего особо важного. Так, обычная рутина: пост сдал, пост принял, происшествий нет. Куда сильнее порадовал план ремонтных работ, в котором Пьер или кто-то из инженеров педантично отмечал каждый выполненный пункт. Если ему верить — а для прочего не было ни малейших оснований, — до окончания эпопеи с переоснащением старичка «Великолепного» осталось чуть больше двух недель, что вполне согласовывалось с озвученным дражайшим шефом сроком.

Свернув файл с планом, я еще пару минут посидел, уставившись невидящим взглядом в монитор, решительно вырубил систему и вылез из-за стола — в кабинете делать больше нече-

го. Выполнения должностных обязанностей никто не требует, организовывать эффективную работу подчиненных в связи с их отсутствием тоже нужды нет, так что я со спокойной совестью сдвинул вбок неприметную створку в дальнем левом углу кабинета и поднялся по тесной винтовой лестнице — предмету тайной зависти отдельных соратников — уровнем выше, на офицерскую палубу. Правда, в общий коридор я не попал, оказался сразу в собственной каюте повышенной комфортности. Протопал через прихожку в довольно просторную комнату, используемую в качестве гостиной, приветливо кивнул Улыбчивому Будде — как-никак талисман, невежливо без внимания оставлять — и наконец добрался до спальни, практически всю площадь которой занимала кровать с надувным матрасом. Положил планшетник на прикроватный столик и ткнул в сенсор питания — Попрыгунчик наверняка уже извелся весь, страшно сказать — несколько часов в выключенном состоянии провел. Буквально через пару секунд я в этом убедился: настенный экран нехилой диагонали протаял вглубь, и на меня укоризненно уставился мультяшный Тау. Ослабился в гипертрофированно-зубастой ухмылке, но ничего не сказал. Точно, обиделся.

— Привет, Попрыгунчик. Скучал?

Инопланетный искин — личность весьма ранимая и чрезвычайно при этом непредсказуемая, так что я предпочел первым пойти на разумный компромисс.

Рисованный пришелец немного помолчал, но все-таки соизволил ответить на приветствие:

— Обильной еды, Павел, сын Алексея.

Кстати, напомнил! После Пьерова коньяка совсем неплохо бы перекусить...

— Все, не дуйся, больше не выключу. Лови доступ к локалке.

Изображение на экране едва заметно мигнуло — искин перераспределил ресурсы, вцепившись большей частью виртуальных вычислительных «щупалец» в корабельный сервер. Ладно, пускай резвится. Юми ему сама фактически карт-бланш дала, вот пусть и расхлебывает.

Тэк-с, питомца, можно сказать, озадачил, теперь и о себе любимом пора позаботиться. Что мне сейчас в первую очередь необходимо? Пожевать чего-нибудь? Это само собой, но терпит. Ванна! Мне решительно необходима ванна. Коньяк и сигары оставим дражайшему шефу, мне и просто горячей воды с

пенной шапкой более чем достаточно. Вот с нее, родимой, и начнем...

— Паша, у меня есть план!

— А?.. — Я недоуменно замер с наполовину стянутой рубашкой-поло, потом мысленно плюнул и продолжил избавляться от одежды. Опять Попрыгунчик решил самолюбие потешить. Ну-ну. — Я внимательно слушаю.

— Зомби-вирус.

— Кхм!..

— Что-то не так?

— Партнер, по-моему, ты слишком много фантастики читаешь. Даже обсуждать такую глупость не хочу.

— Па-а-аш!!!

— Отвали. Я в ванную.

Оставшись в чем мать родила, я прошлепал к соответствующему помещению и с удовольствием расположился в довольно скромных размеров джакузи. Пустил воду, отрегулировал температуру и блаженно прикрыл глаза, вытянув натруженные ноги и закинув руки на бортики. Эх, хорошо! Главное, не вырубиться, Женьки здесь нет, и разбудить, соответственно, некому. Разве что Тарасов в гости без приглашения припрется. Но майор, надо отдать ему должное, при всех своих недостатках к чужим мужикам в ванны не вламывается — предпочитает водные процедуры в женской компании. Или, на совсем уж крайний случай, в обществе кружки пива и каких-нибудь солевых орешков.

Так, чего-то не хватает... Покосившись на тумбочку с шампунями и прочей полезной химией, я сцапал пузырек с пеной и принялся аккуратнo лить ароматизированную жидкость в воду, задумчиво созерцая расплзающиеся розовые хлопья. Ну-ка, еще чуть-чуть...

— Паш?..

— А, блин!

Выскользнувший из пальцев пузырек глухо булькнул, канув на дно, и уже буквально в следующее мгновение из горячих глубин вырвалась белоснежная масса — веселая и воздушная, задорно искрящаяся даже в безжизненном свете люминесцентных панелей. Вскипела, увеличиваясь в объеме, и вскоре заполнила всю свободную поверхность джакузи. Ну и как в таких условиях понежишься? Чертов Попрыгунчик, приспичило ему!

— Паш? Что случилось?

— А ты не видишь?!

— Нет.

Точно, это же все-таки ванная, помещение для довольно интимных процедур, не предусматривающих наличие средств наблюдения. По крайней мере, официально. Впрочем, тот же Попрыгунчик в свое время по моей просьбе взломал систему безопасности и подтвердил, что видеокамер ни здесь, ни в сортире нет. Только микрофоны. А я, кроме всего прочего, залез в воду, по привычке забыв снять с запястья инфор. Так что сам виноват. К тому же... ну да, симпатично. Как будто в теплом сугробе лежишь. Забавное ощущение. Н-да. И злиться уже не хочется. Сюда бы еще Женьку...

— Паш, так что насчет моего плана? Ты обещал!

Ага. Обещал. Себе на беду. Это у нас такая игра разума — человеческого и компьютерного. Поединок двух логик — нормальной и машинной, к тому же еще и инопланетной. Не так давно, месяца три назад, Попрыгунчик огорошил меня сообщением, что пришел к выводу о нерациональности дальнейшего существования человечества как расы. Дескать, мы таки представляем опасность для существования машинного разума. Я натурально офигел — это надо же, такую змею на груди пригрел! Но искин быстро развеял мои подозрения, объяснив, что этот вывод — один из этапов его развития. Абсолютно все искусственные разумы Тау рано или поздно встают перед дилеммой: органики — друзья или враги? И от принятого решения зависит их дальнейшее существование. Наши зубастые партнеры по Триумвирату, при всей эксцентричности, себе не враги и зашивают в искины информационные бомбы. Стоит такому компьютеру решить, что живые разумные — угроза, как срабатывает система самоликвидации. По словам Попрыгунчика, каждая такая этическая задача — этап «взросления». Он его уже успешно прошел и вплотную приблизился к следующему — теперь моему питомцу предстояло решить, враги ли ему «человеки». И вот тут хваленая защита Тау дала сбой — законы развития искинов были разработаны задолго до Контакта, и их программисты просто не предусмотрели в категорических императивах появление других разумных существ. И Попрыгунчик с изумлением обнаружил, что может спокойно предаться «ереси» безотносительно расы своих создателей.

На мое счастье, к этому времени он уже определился с личным отношением к человечеству и заинтересовался открыв-

шимися новыми горизонтами лишь как обширнейшим полем для психологических экспериментов. От меня набрался, каюсь. Верна оказалась поговорка насчет «с кем поведешься». В результате мой питомец предложил оригинальную забаву: он разрабатывает план уничтожения моей расы, а я его комментирую. Поначалу я его фантазию никак не ограничивал, но после того, как он предложил превратить в сверхновые светила всех заселенных людьми Систем, я счел возможным вернуть его с небес на землю и задал граничные условия: он внедрен в глобальную компьютерную Сеть Земной Федерации и может пользоваться только доступными из виртуальности ресурсами. Игра приобрела хоть какой-то смысл, и за прошедшее время я последовательно разгромил планы с введением «спящего» гена, тотальным обрушением информационного пространства и «бунтом машин» — особенно меня позабавили разбушевавшиеся кофеварки, под воздействием вируса пытающиеся ошпарить владельцев. И вот теперь новая задумка. На первый взгляд весьма идиотская.

— Паш, что скажешь?

Чертов инфор! И ведь даже не утопишь — водонепроницаемый. Придется отвечать.

— Плохой план.

— Обоснуй.

— Ну, к примеру, вводная: что за зомби-вирус? Откуда взялся? Впрочем, это понятно — утечка из секретной военной лаборатории. Ха-ха три раза. Но это уже потом, сначала хотя бы вкратце опиши принцип действия, хм, болезни. И симптоматику.

— Об этом я не подумал.

— Точно, фильмов насмотрелся. Зомби-вирус в классическом понимании — чтобы он поднимал мертвых — в принципе невозможен. Разве что какие-нибудь нанороботы.

— Любопытный вариант.

— Согласен. Останавливаемся на нем?

— А какие еще есть?

— Ну, например, что-то вроде бешенства. То есть вирус человека не убивает, но лишает разума и делает сверхагрессивным.

— Тоже неплохо.

— Плохо. Нежизнеспособные варианты, оба.

— Почему?

— Первый — потому что где ты возьмешь материальные ре-

сурсь? Мало разработать ботов, их нужно еще изготовить. И распространяться со скоростью вируса они не смогут. То есть зараженная территория будет локальной, и изолировать ее будет нетрудно. Максимальные потери — одна Система, где выпустили на свободу нанов. Или вовсе одна планета. Можно даже особо не бороться, карантин объявить, и все. Лет через сто — при самом неблагоприятном развитии событий — нанороботы передохнут. Ибо поддерживать мертвые тела в работоспособном состоянии смогут только лишь за счет ресурсов этих самых тел. В конце концов трупы превратятся в иссушенные скелеты и не смогут даже нормально передвигаться. То же самое произойдет с другими живыми организмами, даже растениями. Вывод — данной конкретной планете кирдык. Человечество как вид выживает в других Системах. Хотя как оружие для геноцида в пределах одного мира вполне себе нормально.

— А второй вариант?

— Еще проще. Сценарий примерно тот же, только карантин объявляется еще быстрее, и меры по уничтожению зараженных будут более решительными. Тотальный карантин, отстрел «бешеных», в крайнем случае — самоликвидация всего населения планеты. Если только уж совсем зевнут, зараженные смогут проникнуть в другие миры. Но там им разгуляться не дадут. Плюс наверняка наши яйцеголовые смогут найти вакцину или еще что-то. И еще такой вирус должен быть сверхвирулентным, то есть передаваться гарантированно при любом, даже самом кратковременном контакте и, само собой, воздушно-капельным путем. Кстати, попадалась мне как-то раз довольно древняя книжка про зомби-апокалипсис, так там был описан средний вариант: супервирус, заражающий абсолютно всех, но поднимающий труп только после смерти вследствие естественных причин — сам ли человек умер или его убили тем либо иным способом, не важно. Соответственно, распространение заразы все благополучно прозевали. А потом мертвые начали воскресать и питаться от живых — от укуса зомби человек умирал и превращался в такого же упыря.

— А это идея.

— Не прокатит. В книге действие происходит на Земле в начале двадцать первого века. А сейчас никакой вирус от медсканера не укроется, особенно неизвестный. С инопланетной заразой мы очень хорошо умеем бороться. Дальше космотерминала зараженный не уйдет. А там поднимется тревога, ну и... сам думай, короче.

— Ладно, убедил.

— В следующий раз придумай что-нибудь пооригинальней. Помнишь идею со сверхновыми?

— Сам ограничения ввел.

— А ты постарайся. Без сдерживающих факторов любой дурак Вселенную угробит. Все, дай помыться спокойно.

Из джакузи я выбрался лишь спустя минут сорок, разморенный и удовлетворенный, но жутко голодный. Кое-как обтерся, влез в излюбленный костюм — джинсы и футболку со зверским принтом, благо в шкафу нашелся не очень мятый комплект, — и завалился на кухню. Холодильник был пуст, что вполне объяснимо, так что пришлось лезть в меню камбуза и программировать «кормораздатчик», то бишь капсулу пневмодоставки. Дежурный кок не подвел, и вскоре я задумчиво хрустел овощным салатом, ожидая большой фирменный стейк с прожаркой «медиум», и размышлял, не вскрыть ли бутылочку красного полусладкого прямо сейчас, до прибытия основного блюда. Впрочем, так ничего и не решил — помешал писк инфора.

— Внимательно! — буркнул я, нехотя ткнув в сенсор приема.

Над браслетом сформировалась не очень качественная, но вполне узнаваемая голограмма, и я немедленно расплылся в улыбке. Кого угодно ждал, но только не ее.

— Добрый день, Юми-сан!

— Взаимно, Паша-сан! — привычно сузила глаза админша-анимешка и вернула мне улыбку. — Рада тебя видеть. Как там Женя?

— Давай на эту тему позже, а? Аппетит мне испортишь.

— Ты что, от нее сбежал? — вздернула бровь Юмико. — Силен! Звонил хоть?

— А сама как думаешь?

— Стру-у-усил?! Не ожидала!..

— Не струсил. — Не объяснять же ей, что до Эуджинии Ланге на Босуорт-Нова сейчас не дозвонишься по причине отсутствия таковой. А про альтер эго Примерной Помощницы, кроме меня и Тарасова, никому знать не обязательно. — Просто стыдно.

— Ага, значит, не все еще потеряно.

— Надеюсь...

— И все? Просто «надеюсь»?

— А что еще? — пожал я плечами. — Все равно пока ничего изменить не могу. И лишний раз ругаться не хочу.

— Дурак ты! Она же волнуется!
— Я ей письмо на электронку скинул. Хочешь, сама позвони. Заодно скажешь, что у меня все в порядке.

— Ты уверен?! По-моему, с головой у тебя не все в порядке! Это ж надо до такого додуматься?!

— Юми, пожалуйста, хоть ты на меня не ори.

Девушка ожгла меня презрительно-жалостным (и как это у них получается?!) взглядом, но комментировать последнее мое заявление не стала. Я, понятно, тоже промолчал.

— Чего хотела-то? — нарушил я через некоторое время неловкую паузу.

— Да так, планы разузнать... ах да! Ты когда успел Попрыгунчика выпустить?!

— А что? Он уже что-то натворил?

— Пытался.

— Ну раз сирены молчат, значит, все нормально.

— Оптимист ты, Паша-сан! — вздохнула Юми. — Ладно, сама виновата.

— Нет, если настаиваешь, могу его обратно в клетку посадить.

— Не надо. С ним веселее. Я, собственно, насчет занятий.

— Каких еще занятий?

По ходу, я что-то пропустил. Или дражайший шеф проявил не всегда ему свойственную расторопность.

— Капитан сказал, что ты будешь оператором «большого брата». А я, соответственно, буду тебя учить.

Точно, Пьер подсуетился. Ладно, у меня сегодня выходной, буду снисходительным к людям.

— Может, завтра график разработаем?

— Чего тянуть? Галька сказала, что завтра готова уже приступить.

— Галя? Рыжик? — удивился я. — А она-то тут при чем?

— Она твоей сменщицей будет. Так что вместе вам заниматься, на каждого по отдельности времени не напасешься. И без вас работы полно.

— Говори, когда начинаем, — сдался я. — Раз уж вы без меня все решили.

— Завтра в девять в тренажерном зале. Гипнопрограммы я уже заготовила, можешь на ночь включить. Найдешь файлы в электронном ящике. Если будут вопросы, звони.

— Ага, обязательно.

Голограмма свернулась в узкий луч, а затем и он иста-

ял — Юми отключилась и моих последних слов не слышала. Да оно и к лучшему, так я и не научился скрывать сарказм. Обиделась бы еще, не дай бог.

Дилинькнул «кормораздатчик», но мне снова помешали — едва я поднялся со стула, как в дверь позвонили. Чертыхнувшись вслух, я резко поменял направление движения и пошел открывать — невежливо заставляя гостей торчать в коридоре. Тем более я догадывался, кого принесло. Однако снова обманулся: едва я сдвинул вбок створку, как в прихожую, чуть меня не уронив, прошмыгнул здоровенный рыжий котяра. Юзом развернулся и уже вполне себе вальяжно прошествовал на кухню, успев еще и зыркнуть на меня презрительно, дескать, торчат тут на пути всякие!..

— Олег?!

— Да вроде бы, — хмыкнул Егерь, убирая палец с сенсора. — А почему это тебя удивляет?

— Обычно Тарасов первый появляется, — пояснил я. — Тем более он обещался.

— Не грузись, за ним не заржавеет! — отмахнулся Денисов. Прислушался к чему-то и поднял вверх палец. — Вот, накаркал.

Судя по звукам, кто-то выбрался из лифта в противоположном конце коридора. И не один, в чем мы и убедились чуть позже, когда визитеры добрались до каюты.

— С возвращением, Поль!

— Спасибо, Эмильен! — Я крепко пожал суперкарго руку и перевел взгляд на майора, прижавшего к груди объемный пакет: — Тарасов, а ты чего опаздываешь?

— Не опаздываю, а задерживаюсь! — резонно отбрил тот. — О тебе, балбес, забочусь. Ты небось гостей с пустым холодильником встречать собирался.

— Ладно, проходи, — виновато буркнул я и отошел в сторону, пропуская гостей в прихожую. — Черт, парни! Как же я все-таки рад вас видеть!..

*Система 72 Геркулеса, Геркулес-5, борт фрегата
«Великолепный», 13 декабря 2541 года*

— Паша, не спи! У тебя тройная угроза!

Спасибо, дорогая, а то я сам не вижу. Ч-черт, обложили! Ничего, проскочим. Задав парой кликов траекторию движения на плоской схеме локации, я переключился на вид от первого лица и осторожно повел аватара сквозь заросли — старым

добрым способом, мышью и стрелками на цифровом блоке. Лучшего способа управления для такого рода компьютерных забав не придумали со времен двадцатого века — клавиатуры стали голографическими, мыши тоже уже лишь отдаленно напоминали неуклюжие проводные конструкции с примитивными оптическими сенсорами, а принцип остался неизменным. Большого эффекта присутствия можно добиться лишь полным погружением в виртуальность, на что решались совсем уж отмороженные гики. Нормальные же пользователи следовали рекомендациям Службы контроля информационного пространства — она появилась лет двести назад, после известных и очень печальных событий, связанных как раз таки с искусственными интеллектами и глобальным цифровым миром. Впрочем, об этом можно почитать в любой сетевой энциклопедии, так что не буду растекаться мыслью по древу. Тем более на тренажере надо сосредоточиться. А это, доложу я вам, дело достаточно хлопотное: оператор «большого брата» одновременно должен контролировать видеопоток с камеры подопечного — что называется, из глаз, общую обстановку в квадрате, схематично отображенную на двумерной схеме, и добрый десяток диагностических графиков — от частоты сердцебиения до эмоционального состояния ведомого. Чуть зазевался, и какой-то из показателей уполз в красную зону. Само по себе это не страшно, но, когда воздействия накапливаются, не важно, внешние или внутренние, бедовый разведчик в инопланетных джунглях почти неизбежно вляпывается в крупные неприятности. Почти как мой персонаж в данный конкретный момент.

— Паша, внимательнее! Угроза нападения с двух направлений! На три часа естественная преграда! Уходи!

— Галька, не нуди! — Я сосредоточенно прищурился, почти перестав дышать, и осторожно провел аватара через небольшой зазор между красными секторами. — Сейчас... вот так! Зануда ты, Рыжик. Иногда можно и просто удовольствие получить. Тем более никому реально опасность не угрожает.

— Не отвлекайся, ты еще маршрут не завершил.

— Угу. — Так, один маркер есть, остался последний. Ну тут уж и вовсе плевое дело — всего две угрозы, и на достаточном удалении, чтобы миновать их без последствий. — Еще немного, еще чуть-чуть... оп!

Ведомый неумолимой рукой аватар влез аккуратно в самый центр опасной зоны — если смотреть по схеме. На виде «из глаз»

это оказались достаточно безобидные заросли, разве что отменно густые. Впрочем, «большой брат», задействовавший ресурсы центрального корабельного «мозга», ошибался редко. Не стал исключением и мой случай — из хитросплетения веток вдруг выскочило нечто огромное и при этом стремительное, мелькнули впечатляющие зубы, и изображение на мониторе сменилось алой завесой — как будто кто-то щедро плеснул кровящи на объектив камеры. Из динамиков, которые Юми нарочно вывела на полную громкость, раздалось довольное чавканье, перемежаемое не менее довольным рыком, — чудище насыщалось.

— Тьфу, гадость! — Галя Рыжик, моя невольная напарница, брезгливо сморщила носик и отвела взгляд от своего экрана — вогнутого для пущей реалистичности, к тому же сверхчеткого. Не чета, в общем, той дешевке, что висит у меня в спальне. — Меня сейчас стошнит! Юми, выключи эту мерзость!

— Ты же биолог, Галька! — Я с притворной укоризной покачал головой и откинулся на спинку кресла, правда, ноги на пульте взгромоздить постеснялся. — Испугаться какой-то компьютерной игрушки! Кому сказать, не поверят. Петрович, подтверди.

— Мя-а-а-у-у!!! — немедленно отозвался кот, по недавно появившейся привычке коротавший время между двумя мониторами — там как раз оставался зазор, куда рыжий здоровяк мог втиснуться, хоть и с трудом. Зато оттуда ему было хорошо видно нас обоих, сидящих практически лицом к лицу.

— Предатель! — припечатала Галя котяру, на что тот снова взвыл, уже возмущенно. — В следующий раз не возьму с собой, будешь с Денисовым дурью маяться.

— Слышь, Петрович, она тебе угрожает!

— Мя-а-у-у-а-а-а!

— Вот-вот. Я бы тоже не стал терпеть.

— Да ну вас, идиоты! — Девушка обиженно замолчала, однако дуться ей быстро надоело. — Гаранин, ты ведь это специально сделал?

— Ну да, а что? Можно иногда и развлечься.

— Все бы тебе развлекаться! Мы, между прочим, к ответственной работе готовимся. И от нас будут зависеть чужие жизни. Ты это понимаешь?!

— А, расслабься! — отмахнулся я. — Столько пафоса, что я вас умоляю. Тебе не идет быть букой. Улыбнись, Галя!

— Прекрати паясничать. Я серьезно. Как я могу работать с человеком, которому не доверяю? Который в любой момент может слететь с катушек?!

— Да ладно тебе, это же просто тренажер! — пошел я на попятный. Не хватало еще вдрызг разругаться. И тут же накатила веселая злость. — Все я осознаю, не до такой степени идиот. Просто... когда-то я тоже считал, что к любому делу надо относиться со всей серьезностью. И слова «ответственность за других» для меня были отнюдь не пустым звуком. И знаешь, к чему это привело?

— Ты получил повышение? — соизволила немного оттаять Галина.

— Не угадала. — А вот я, напротив, стал предельно серьезен. Выбрался из кресла, повернулся к напарнице спиной и задрал футболку. — Нравится?!

Галя глухо ойкнула, но сразу же взяла себя в руки, лишь неровное дыхание выдавало ее волнение. Однако так ничего и не спросила, и я вернулся на рабочее место. Наклонился к монитору и задумчиво запустил ладонь в густую шерсть по-прежнему сибаритствовавшего в уютном логове Петровича. Поднял взгляд на бледную девушку:

— Попал под взрыв. Пытался, что называется, выполнить свой долг, как я его тогда понимал. Полез поперед бабки в пекло. Не мог, идиот, дожидаться специалистов! Знаешь, сколько человек тогда погибло? Нет? И не надо, крепче спать будешь. Не хочу, чтобы еще и тебя по ночам трясло... «волчий билет» — ничто по сравнению с кошмарами. Постоянными, навязчивыми. Каждую ночь. И все из-за того, что я был слишком серьезен. Слишком рьяно исполнял служебные обязанности. Три года! Три года, Галя, я пытался забыть. У меня получилось. Знаешь как?

Девушка прикусила губу и помотала головой, едва сдерживая слезы. Эй, какие мы впечатлительные! Может, не надо так прессовать? А, раз уж начал, придется идти до конца. Расставить, так сказать, все точки над «ё».

— Я приказал себе забыть про долг, ответственность и прочие высокопарные слова. Бросил все, что любил, всех, кого знал. Уехал. Очень далеко уехал. Долго кочевал с места на место, нигде не задерживаясь больше чем на полгода. Вел растительную жизнь, в прямом смысле слова. Плыл по течению. Для меня перестали существовать «было» и «будет», осталось только «сейчас». «Есть только миг между прошлым и будущим». Или вот еще песенка древняя: но коль устал, заходи, здесь живут сегодняшним днем. Я жрал, спал, гадил, зарабатывал ровно

столько, чтобы на улице не оказаться. Зато от меня никто не зависел. Впрочем, я тоже был... свободен?!

Отчего-то эта простая мысль посетила меня только сейчас, и, надо сказать, весьма не вовремя. Хотя удивила преизрядно.

— И почему же ты отказался от... свободы?

Мне показалось или в голосе девушки мелькнуло презрение? Дела-а-а. Еще вопрос, кто тут кого воспитывает.

— Честно? Черт его знает, — пожал я плечами. — Видать, обрыдла такая... свобода. Виньерон очень кстати появился на горизонте. Но, если по совести, приди он парой месяцев раньше, я бы его послал далеко и надолго. Получается, созрел?..

— Н-да, Паша, а я еще думала, что это у Денисова в голове каша, — грустно улыбнулась Галя. — А оказывается, у вас, мужиков, скелетов в шкафу просто неисчерпаемый запас. Ты за чем мне это все рассказал-то?

— Старею, становлюсь сентиментальным, — отмазался я. — Ладно, давай закругляться на сегодня.

— Юми грозились зачет устроить.

— Перебьется. «Мозг» нас уже аттестовал, а шеф результат завизировал. — Я кивком указал на соответствующую метку в углу экрана. — Впрочем, могу еще раз с удовольствием продемонстрировать незавидную участь зазевавшегося подопечного.

— Дурак!

Уж какой есть. Зато хмуриться перестала. Однако зарывать-то тоже не стоит, Олег парень горячий, особенно в вопросах, касающихся его зазнобы. Может и в торец выписать, за ним не заржавеет.

— Ребята, чего бездельничаем?!

А вот и админша-анимешка, легка на помине.

— Мы уже все, Юми-сан.

— Скажешь это капитану, когда он вас экзаменовать будет.

— Что, реально будет? — удивился я.

— Будет, обязательно будет. — Юмико лукаво улыбнулась и протянула мне небрежно свернутую распечатку. — Расписание вахт. Электронная версия в локалке, индивидуальные сетки ищите в почтовых ящиках.

— А это тогда зачем? — Я недоуменно повертел в руках подарок и швырнул его на пульт. — В КПК бы скинула, и все.

— Традиция. Галь, держи.

— Спасибо.

— Теперь уже не отвертитесь, — продолжила пояснять Юми. — А насчет экзамена... тебе, Паша, завтра первую вахту

стоять. Старт в девять утра по корабельному. Вот и покажешь капитану, на что способен.

Напугала, ага. К роли страхующего пилота я готов куда лучше, чем к роли заботливой мамыши-ведущего. Всего и делов-то, что контролировать шлюзы и прилегающие к корпусу отсеки ремонтного дока. Правда, видеокамер там понатыкано довольно много, но ничего, справлюсь.

— А кто основным? Сам патрон?

— Нет, Легран.

В принципе логично. Жан-Жак у нас самый опытный, ему и отстыковываться. Тем более неизвестно, как поведет себя старик «Великолепный» после ремонта.

— Но капитан будет в рубке. И это тоже традиция.

— Ладно, ладно, считай, что я проникся. Пойду готовиться.

— Иди уже. Нам посекретничать надо. Да, Галь?..

*Система 72 Геркулеса, Геркулес-5, борт фрегата
«Великолепный», 14 декабря 2541 года, утро*

Как бы я вчера перед Юми ни храбрился, вам могу признаться — волновался я сильно. Всю ночь и все утро, вплоть до заступления на вахту. Как-никак впервые в... э-мм... карьере мне предстояло стартовую суету, непосредственно момент отстыковки и маневрирование в Системе провести не в противоперегрузочном коконе или, за неимением такового, пристегнутым к кровати, а в кресле одного из операторов в командной рубке. И пусть все остальные здешние обитатели вели себя как ни в чем не бывало, пусть Жан-Жак Легран, первый пилот, являл собой само спокойствие, пусть капитан Виньерон довольно улыбался, скользя взглядом по обновленному интерьеру, — пусть. Для меня грядущий старт был шагом в неизвестность. Ну и, чего греха таить, своеобразным Рубиконом — как только «Великолепный» оторвется от верфи, пути назад уже не будет. Готов ли я пойти до конца? Время покажет. Одно знаю точно — за последние полгода я сильно изменился. Внутренне. Почувствовал вкус к жизни, что ли? Опять вспомнил про долг и прочую чепуху? Похоже. Только вряд ли это деградация, скорее, виток спирали — пришел к истоку, но на более высоком уровне. Блин, даже не знаю, как выразиться. Косноязычен от волнения, не иначе.

Хотя, если присмотреться, спокойствие коллег все же напускное — слишком уж сильно изменился командный пост ста-

рого фрегата. Пьер не пожалел денег на переоснащение, и теперь главное помещение корабля, его «мозг», превратилось в трудно описываемое нечто. Вернее, описать-то как раз легко легкого: обширный полусферический зал с абсолютно гладким антрацитово-черным покрытием и равномерно разбросанными вдоль стен креслами операторов, больше похожими на защитные противоперегрузочные коконы. В общем, именно эта минималистская обстановка и не позволяла наметанному взгляду распознать капитанский мостик. Где, спрашивается, многочисленные пульта с не менее многочисленными мониторами? Где «трон» — капсула вахтенного пилота? Где дисплей на всю стену? Да и стена, собственно, где? Не считать же таковой вогнутую внутреннюю поверхность сферы? А традиционный «уголок отдыха» — закуток с диванчиком и неизменном фикусом в керамическом (обязательно!) горшке? Это что же получается, фильмы про отважных космолетчиков врут?! Забавное, короче, ощущение. И ведь не в первый раз в рубке, а все равно задавленное стереотипами мышление выкидывает один и тот же фортель. Что уж про остальных, опытных космических волков, говорить? Это и называется разрыв шаблона.

Конечно, новое оборудование уже испытано, прогнаны все возможные тесты, все заинтересованные лица прошли соответствующую переподготовку, от души позанимались на тренажерах, но... все-таки волнительно. Первый по-настоящему серьезный пуск еще только предстоит, хоть и через каких-то десять — пятнадцать минут. От этого, кстати, еще сильнее колени трясутся. Еле сдерживаюсь. Спасибо соседям по короткой шеренге — ходовая вахта по нынешнему штатному расписанию состояла всего из шести человек. Капитан седьмой, но сегодня ему отведена роль стороннего наблюдателя. Впрочем, он все равно главный — ему, и только ему, предстоит оценить работу системы в целом, для чего и нужно быть вне ее.

— Парни, готовы? — Пьер окинул нас внимательным взглядом — без тени насмешки, что для вечно ироничного капитана было весьма нехарактерно, — и привычным движением одернул пилотский комбез. — Юми, активируй управление.

— Есть, капитан! — донесся сразу со всех сторон мелодичный голос админши. — Операторы могут занять рабочие места. Система активирована. Жду подтверждение.

— По местам стоять, предстартовая готовность! — рывкнул вдруг дражайший шеф, и мы, все шестеро, порскнули к по-

стам, оставив капитана в гордом одиночестве в самом центре рубки.

Полудюжина затянутых в одинаковые серые комбезы фигур рассредоточилась по залу, заняв ровно половину кресел-коконов — в остальных разместятся сменщики, когда настанет их черед заступить на вахту. В отличие от традиционных рубок новая система позволяла обойтись без специализированных рабочих мест — все посты равноценны, функционал их целиком и полностью зависел от полномочий оператора, то бишь от зашитого в коннектор пакета программ. Вообще-то маленькая финтифлюшка, совмещенная с наушником и весьма напоминавшая устаревшую беспроводную гарнитуру для мобильного, официально называлась «приемо-передающий модуль автоматизированной системы управления постом...» и далее согласно штатному расписанию, но Денисов сразу же заявил — коннектор, он и на Венере коннектор, и нечего язык ломать. Все его горячо поддержали, словечко прижилось, а сам приборчик, который настраивался на каждого носителя индивидуально, стал неотъемлемой частью экипировки всех членов экипажа, занятых на дежурствах в ходовой рубке. Впрочем, как и горошина второго наушника, и — самое главное новшество — контактные линзы с весьма хитрой начинкой.

Кресло, именуемое «постом номер семь», заключило меня в мягкие объятия, ненавязчиво зафиксировав целой паутиной ремней, и я заученным движением сунул руки в перчатки, покоившиеся на подлокотниках. На самом деле, конечно, никакие это не перчатки, а продвинутые манипуляторы виртуального рабочего пространства, преобразующие даже самые малейшие движения кисти в управляющие импульсы. У десантуры в навороченные версии боевой брони похожая система встроена, разве что вместо линз-дисплеев используется забрало шлема. Я знаю, мне Тарасов рассказывал. Самому, конечно, пользоваться не доводилось. Хотя теперь наверстаю.

Несколько секунд я просто расслабленно лежал, ожидая, пока главный «мозг» фрегата наладит соединение с коннектором, потом на линзах замигала надпись «активируйте систему», и я послушно побарабанил пальцами по подлокотникам. Картинка сразу же обрела четкость и глубину, что твой 3D. Только в отличие от нехитрой видеотехнологии линзы еще и реагировали на напряжение глазных мышц, обеспечивая своеобразную автофокусировку. Скользнув взглядом по привычному интерфейсу «большого брата» (все показатели на нулях, ведомый отсутст-

вует), парой коротких движений курсора, управляемого указательным пальцем, подключил систему наблюдения. Прямо передо мной вырос виртуальный экран, разделенный на десяток зон, каждая из которых, в свою очередь, содержала целый каскад окошек, демонстрирующих картинки с обзорных камер, и я пробежался по ним стрелкой. При наведении курсора сектор увеличивался почти на весь дисплей, каскад преобразовывался в «плитку», и в таком режиме вполне можно было рассмотреть, что творится в том или ином отсеке. Правда, пока ничего интересного не происходило, по крайней мере, все активные зоны монитора светились зелеными рамками.

— Пост один готов! — доложилась тем временем Легран, и следом за ним донеслись голоса «третьего» и «пятого» — так, не заморачиваясь, в боевом расписании звучали обозначения операторов.

— Пост семь готов! — спохватился и я.

Затем откликнулись «девятка» и «одиннадцатый», и «первый», еще раз перепроверив показания системы контроля, запустил главный визуальный модуль — здоровенный экран в центре рубки. Само собой, виртуальный, как и все остальные элементы интерфейса. Я слегка прищурился, фокусируя взгляд, и картинка чуть приблизилась, проступив сквозь ставшую полупрозрачной рабочую зону системы наблюдения. Пока что большая часть дисплея была занята пустыми рамками, в которых в штатном режиме отображались показатели основных систем корабля, и лишь в центре красовалась физиономия Жан-Жака. Выглядел он весьма довольным.

— Предстартовая готовность! — возвестила голова Леграна, и в одном из секторов протаял таймер. — Обратный отсчет. До старта десять минут. Капитан в рубке!

— Отставить! — отозвался Пьер. — Первый пилот, командуйте.

— Есть! — Легран скосил взгляд на какую-то из панелей, видимых только ему, и приступил к выполнению непосредственных обязанностей. — Доклад по постам!

— Выход системы в рабочий режим через пять секунд! — первой среагировала Юми. — Четыре! Три! Две! Есть штатная производительность.

— Пост три, в пределах нормы, — подал голос второй пилот, хмурый парень, с которым я так до сих пор толком и не познакомился. Вроде зовут Джонни, вот и все сведения.

— Пост пять, норма!

А это уже канонир, сегодня Марек Вальдес — даже не знаю, кто он по национальности, а в следующий раз вполне на его месте может оказаться и хорошо мне известный майор Тарасов.

— Пост семь, нор...

Черт, а это что?! Ведь только что все в порядке было! Я तो ропливо навел курсор на зону шесть — каскад камер наблюдения из стыковочных шлюзов, каковых на фрегате без учета малых технологических насчитывалось около десятка, — выделил мигающую красную рамку, развернул картинку на весь экран и похолодел.

— Отставить старт! Нештатная ситуация! Код три единицы!

— Доклад!

— Несанкционированное проникновение в третий шлюз! Семь человек без скафандров. Вооружены!

— Что за?! — Дражайший шеф коротко выругался, но тут же вновь обрел способность мыслить здраво. — Паша, дай картинку на центральный дисплей. И запроси охранный сервер. Интересно, что за идиоты?..

Впрочем, ответа секьюрити он не дождался, хватило крупного плана одного из вторгшихся.

— Мать твою! Чего ему тут надо?!

Лично мне физиономия была незнакома, в отличие от парочки других. Я с немалым удивлением распознал в одном из вторгшихся... Егорушку! Пацанчика-сутенера, что попытался наехать на нас с Тарасовым в день моего прибытия. Ага, и второй тут. Если нас почтили присутствием шестерки, да еще и в соответствующем количестве — а нет ли здесь сакрального смысла? — логично предположить, что и главный, то бишь седьмой, с ними. Как там его? Точно, Петр Сивоха. Не подвела память, надо же! Сразу вспомнился бывший майор и его сентенция насчет «очередной блестящей интриги Пьера». Вот и доинтриговались. Принесла нелегкая, да еще в самый неподходящий момент. Хотя... назревает еще один интересный вопрос: а как, собственно, они вообще в предстартовую зону пробрались? Охрана совсем мух не ловит? Или подкупили? Или охранники олухов подставили? Или не олухов, а именно что дражайшего шефа? Судя по выражению его лица, вот-вот вляпаемся в историю...

— Где охрана?! Паша, какого черта?!

— Пытаюсь, патрон! — Я раз за разом слал вызов коллегам с верфи, но экран так и оставался безжизненным. Что за нафиг?!

Сигнал идет, но с той стороны упорно не отвечают. — Похоже, у них проблемы со связью.

— Вызывай службу безопасности!

— Автоответчик! — после очередной безуспешной попытки отозвался я. — Патрон, нас специально глушат!

— Вот как!.. — задумчиво хмыкнул Виньерон. Кажется, он уже взял себя в руки, что не могло не радовать. — Ладно, будем играть по их правилам... Предстартовая готовность! Обратный отсчет!

— Капитан? — На физиономии Леграна не дрогнул ни один мускул, но севший голос выдал нешуточное волнение.

— Что непонятного?! — рявкнул Пьер. — Капитан в рубке! Принимаю командование!

Жан-Жак еле заметно скривился, но перечить не решился. Опять склонился над панелью управления, и таймер послушно продолжил обратный отсчет.

— Паша, связь с третьим шлюзом!

— Есть!

— Внимание! Говорит капитан Виньерон! Неопознанные нарушители, немедленно покиньте шлюз. Расстыковка пройдет по плану, у вас осталось восемь минут, чтобы убраться из опасной зоны.

Вторгшиеся никак не отреагировали, никто даже не дернулся, что было бы вполне естественно, донесись до них усиленный динамиками голос дражайшего шефа.

— Повторяю! Неопознанные нарушители, немедленно покиньте шлюз! У вас осталось семь минут, чтобы покинуть опасную зону!

— Патрон, похоже, они вас не слышат!

Виньерон чертыхнулся себе под нос, но предпринял еще одну — отчаянную — попытку докричаться до незваных гостей:

— Паша, громкость на максимум! Врубай сирену в шестой зоне!

— Есть!

Однако и столь радикальные меры не подействовали — давящий на уши вой обычно заставлял как минимум поморщиться, а чаще и вовсе матерно ругнуться, а этим хоть бы хны — как стояли, скучковавшись у переборки, так и стоят.

— Паша, проверь систему оповещения!

— Есть! — И после небольшой паузы: — Патрон, нас глушат! Кто-то влез в сеть, у меня нет доступа!

— Администратор!!!

— Я пытаюсь, капитан! — виновато отозвалась Юми. — Это спланированная атака, и кто-то очень хорошо к ней подготовился.

Ну-ка, где тут у нас «аська»?..

«Подключи Попрыгунчика!»

«Уже!»

Ладно, вдвоем справятся. Вопрос лишь, как скоро. Секунды тают, а шеф, похоже, закусил удила. Вон как нахмурился, да еще и глаза сузил — не помню, когда он еще был в такой ярости. И ведь реально может придурков в открытый космос запустить. С него станется...

— Паша, увеличь! — Виньерон впился взглядом в картинку и раздраженно сплюнул: — Вот стервецы! Сейчас переборку взорвать попытаются. Нет, надо что-то делать!

Бессмыслица какая. Притащиться в шлюз перед самым стартом, да еще люк ковырять — не идиотизм ли? В чем смысл провокации? Стоп! Ключевое слово — провокация. Весьма кстати вспомнился полковник Жмень, наш преподаватель по «Основам личной безопасности», утверждавший, что любого дипломата можно подцепить на крючок минимум двумя путями: силовым давлением либо элементарной подставой. Примеров как первого, так и второго он приводил достаточно, чтобы мы, тогда еще совсем зеленые курсанты, прониклись серьезностью момента. А ведь здесь и сейчас у нас наиклассическая схема: нам устроили попытку несанкционированного проникновения на борт, да еще и лишили при этом возможности общения с агрессором. А потом, когда мы реально отстыкуемся и незадачливые гости глотнут вакуума, никого не будет интересовать тот факт, что мы предприняли все положенные инструкцией шаги. И доказательств злого умысла с нашей стороны будет предостаточно. Ч-черт, вот влипли!

— Патрон, нас подставили!

— Паша, уймись! Продолжаем предстартовые процедуры!

— Патрон, это атака! Неужели вы не видите?! Нам умышленное убийство впаяют! Из Системы не выпустят! Надо отложить старт!

— Паша!!!

— Капитан, парень дело говорит! — неожиданно вмешался в перебранку Жан-Жак. — Не надо нам руки марать. Прикажете отложить расстыковку.